

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

ФРИДРИХ
НИЦШЕ

СВЕРХ-
ЧЕЛОВЕК

ПРОТИВ
СУПЕР-
ЭГО

ЗИГМУНД
ФРЕЙД

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

Фридрих Вильгельм Ницше
Зигмунд Фрейд
Сверхчеловек против
супер-эго (сборник)
Серия «Философский поединок»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21606497

Фридрих Ницше, Зигмунд Фрейд. Сверхчеловек против супер-эго:

Алгоритм; Москва; 2014

ISBN 978-5-4438-0504-7

Аннотация

Фридрих Ницше – немецкий философ, поставивший под сомнение базисные принципы действующих форм морали, религии, культуры и общественно-политических отношений. Главное понятие в философской теории Ницше – образ сверхчеловека, который по своему могуществу должен превзойти современного человека настолько, насколько последний превзошел обезьяну. Сверхчеловек – это творец, могущественная воля которого направляет вектор исторического развития.

Зигмунд Фрейд – австрийский психолог, психиатр и невролог, – наиболее известен как основатель психоанализа, который оказал значительное влияние на психологию, медицину, социологию, антропологию, литературу и искусство XX века.

Среди достижений Фрейда наиболее важным является разработка модели психики, состоящей из «Оно», «Я» (или «Эго») и «Сверх-Я» (или «Супер-Эго»). Эти три компонента находятся в постоянном взаимодействии, притом, что «Супер-Эго» отводится главная роль в формировании человеческой личности.

Что ближе к истине – целостный образ ницшеанского «сверхчеловека» или раздробленный противоречивый человек Фрейда? Читателю представляется право самому сделать выбор на основе произведений этих двух великих философов.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Фридрих Ницше	6
Человек есть нечто, что должно превзойти	6
Я учу вас о сверхчеловеке	6
О новом кумире	17
О базарных мухах	22
О людском отребье	29
О тарантулах	34
О прославленных мудрецах	39
О морали и страстях	44
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Фридрих Ницше,
Зигмунд Фрейд
Сверхчеловек
против супер-Эго**

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Фридрих Ницше

«Сверхчеловек» – смысл земли

**Человек есть нечто,
что должно превзойти
(Из книги Ф. Ницше «Так говорил
Заратустра. Книга для всех и ни для
кого». Перевод Ю. Антоновского)**

Я учу вас о сверхчеловеке

...Придя в ближайший город, лежавший за лесом, Заратустра нашел там множество народа, собравшегося на базарной площади: ибо ему обещано было зрелище – плясун на канате. И Заратустра говорил так к народу:

«Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его?

Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?

Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище

или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором.

Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя. Некогда были вы обезьяной, и даже теперь еще человек больше обезьяна, чем иная из обезьян.

Даже мудрейший среди вас есть только разлад и помесь растения и призрака. Но разве я велю вам стать призраком или растением?

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке!

Сверхчеловек – смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: да будет сверхчеловек смыслом земли!

Я заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах! Они отравители, все равно, знают ли они это или нет.

Они презирают жизнь, эти умирающие и сами себя отравившие, от которых устала земля: пусть же исчезнут они!

Прежде хула на Бога была величайшей хулой; но Бог умер, и вместе с ним умерли и эти хулители. Теперь хулить землю – самое ужасное преступление, так же как чтить сущность непостижимого выше, чем смысл земли!

Некогда смотрела душа на тело с презрением: и тогда не было ничего выше, чем это презрение, – она хотела видеть тело тощим, отвратительным и голодным. Так думала она бежать от тела и от земли.

О, эта душа сама была еще тощей, отвратительной и го-

лодной; и жестокость была вожделением этой души!

Но и теперь еще, братья мои, скажите мне: что говорит ваше тело о вашей душе? Разве ваша душа не есть бедность и грязь и жалкое довольство собою?

Поистине, человек – это грязный поток. Надо быть морем, чтобы принять в себя грязный поток и не сделаться нечистым.

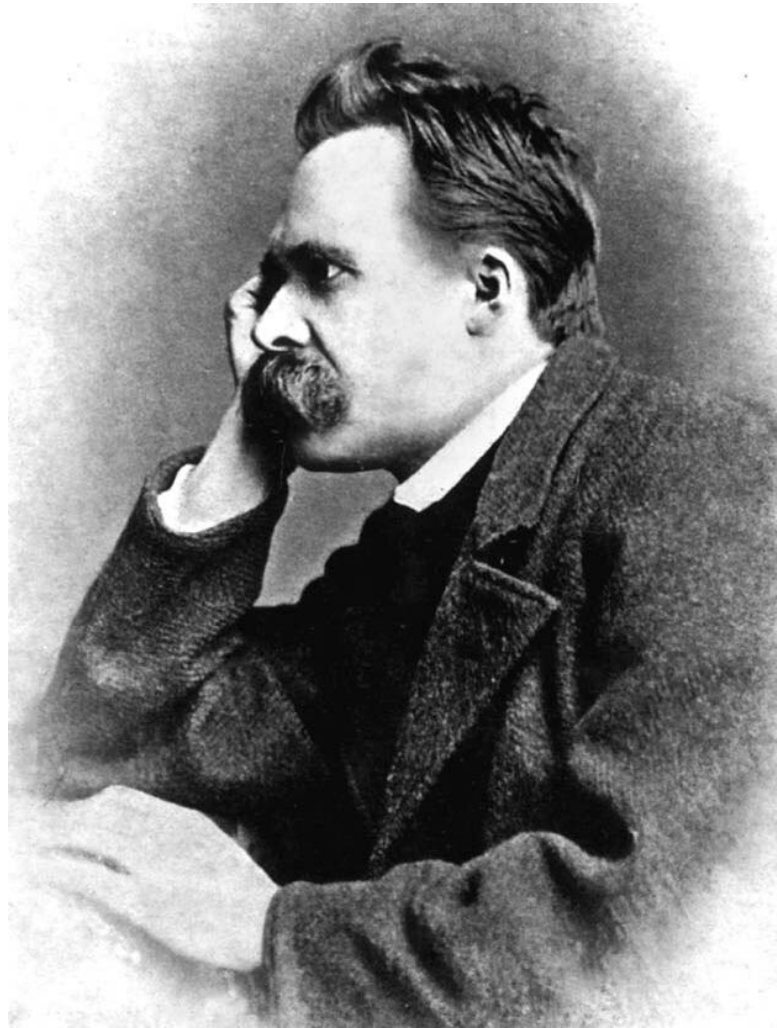
Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке: он – это море, где может потонуть ваше великое презрение.

В чем то самое высокое, что можете вы пережить? Это – час великого презрения. Час, когда ваше счастье становится для вас отвратительным, так же как ваш разум и ваша добродетель.

Час, когда вы говорите: «В чем мое счастье! Оно – бедность и грязь и жалкое довольство собою. Мое счастье должно бы было оправдывать само существование!»

Час, когда вы говорите: «В чем мой разум! Добивается ли он знания, как лев своей пищи? Он – бедность и грязь и жалкое довольство собою!»

Час, когда вы говорите: «В чем моя добродетель! Она еще не заставила меня безумствовать. Как устал я от добра моего и от зла моего! Все это бедность и грязь и жалкое довольство собою!»

Фридрих Ницше. Фото 1882 г.

Час, когда вы говорите: «В чем моя справедливость! Я не вижу, чтобы был я пламенем и углем. А справедливый – это пламень и уголь!»

Час, когда вы говорите: «В чем моя жалость! Разве жалость – не крест, к которому пригвождается каждый, кто любит людей? Но моя жалость не есть распятие».

Говорили ли вы уже так? Восклицали ли вы уже так? Ах, если бы я уже слышал вас так восклицающими!

Не ваш грех – ваше самодовольство вопиет к небу; ничтожество ваших грехов вопиет к небу!

Но где же та молния, что лизнет вас своим языком? Где то безумие, что надо бы привить вам?

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке: он – эта молния, он – это безумие!».

Пока Заратустра так говорил, кто-то крикнул из толпы: «Мы слышали уже довольно о канатном плясуне; пусть нам покажут его!». И весь народ начал смеяться над Заратустрой. А канатный плясун, подумав, что эти слова относятся к нему, принялся за свое дело.

* * *

Заратустра же глядел на народ и удивлялся. Потом он так говорил:

«Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью.

Опасно прохождение, опасно быть в пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка.

В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и гибель.

Я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как чтобы погибнуть, ибо идут они по мосту.

Я люблю великих ненавистников, ибо они великие почитатели и стрелы тоски по другому берегу.

Я люблю тех, кто не ищет за звездами основания, чтобы погибнуть и сделаться жертвою – а приносит себя в жертву земле, чтобы земля некогда стала землею сверхчеловека.

Я люблю того, кто живет для познания и кто хочет познавать для того, чтобы когда-нибудь жил сверхчеловек. Ибо так хочет он своей гибели.

Я люблю того, кто трудится и изобретает, чтобы построить жилище для сверхчеловека и приготовить к приходу его землю, животных и растения: ибо так хочет он своей гибели.

Я люблю того, кто любит свою добродетель: ибо добродетель есть воля к гибели и стрела тоски.

Я люблю того, кто не бережет для себя ни капли духа, но хочет всецело быть духом своей добродетели: ибо так, подобно духу, проходит он по мосту.

Я люблю того, кто из своей добродетели делает свое тяготение и свою напасть: ибо так хочет он ради своей добродетели.

тели еще жить и не жить более.

Я люблю того, кто не хочет иметь слишком много добродетелей. Одна добродетель есть больше добродетель, чем две, ибо она в большей мере есть тот узел, на котором держится напасть.

Я люблю того, чья душа расточается, кто не хочет благодарности и не воздает ее: ибо он постоянно дарит и не хочет беречь себя.

Я люблю того, кто стыдится, когда игральная кость выпадает ему на счастье, и кто тогда спрашивает: неужели я игрок-обманщик? – ибо он хочет гибели.

Я люблю того, кто бросает золотые слова впереди своих дел и исполняет всегда еще больше, чем обещает: ибо он хочет своей гибели.

Я люблю того, кто оправдывает людей будущего и искупляет людей прошлого: ибо он хочет гибели от людей настоящего.

Я люблю того, кто карает своего Бога, так как он любит своего Бога: ибо он должен погибнуть от гнева своего Бога.

Я люблю того, чья душа глубока даже в ранах и кто может погибнуть при малейшем испытании: так охотно идет он по мосту.

Я люблю того, чья душа переполнена, так что он забывает самого себя, и все вещи содержатся в нем: так становятся все вещи его гибелью.

Я люблю того, кто свободен духом и свободен сердцем:

так голова его есть только утроба сердца его, а сердце его влечет его к гибели.

Я люблю всех тех, кто являются тяжелыми каплями, падающими одна за другой из темной тучи, нависшей над человеком: молния приближается, возвещают они и гибнут, как провозвестники.

Смотрите, я провозвестник молнии и тяжелая капля из тучи; но эта молния называется сверхчеловек».

* * *

Произнесши эти слова, Заратустра снова посмотрел на народ и умолк. «Вот стоят они, говорил он в сердце своем, – вот смеются они: они не понимают меня, мои речи не для этих ушей.

Неужели нужно сперва разодрать им уши, чтобы научились они слушать глазами? Неужели надо греметь, как литавры и как проповедники покаяния? Или верят они только заикающемуся?

У них есть нечто, чем гордятся они. Но как называют они то, что делает их гордыми? Они называют это культурою, она отличает их от козопасов.

Поэтому не любят они слышать о себе слово “презрение”. Буду же говорить я к их гордости.

Буду же говорить я им о самом презренном существе, а это и есть последний человек».

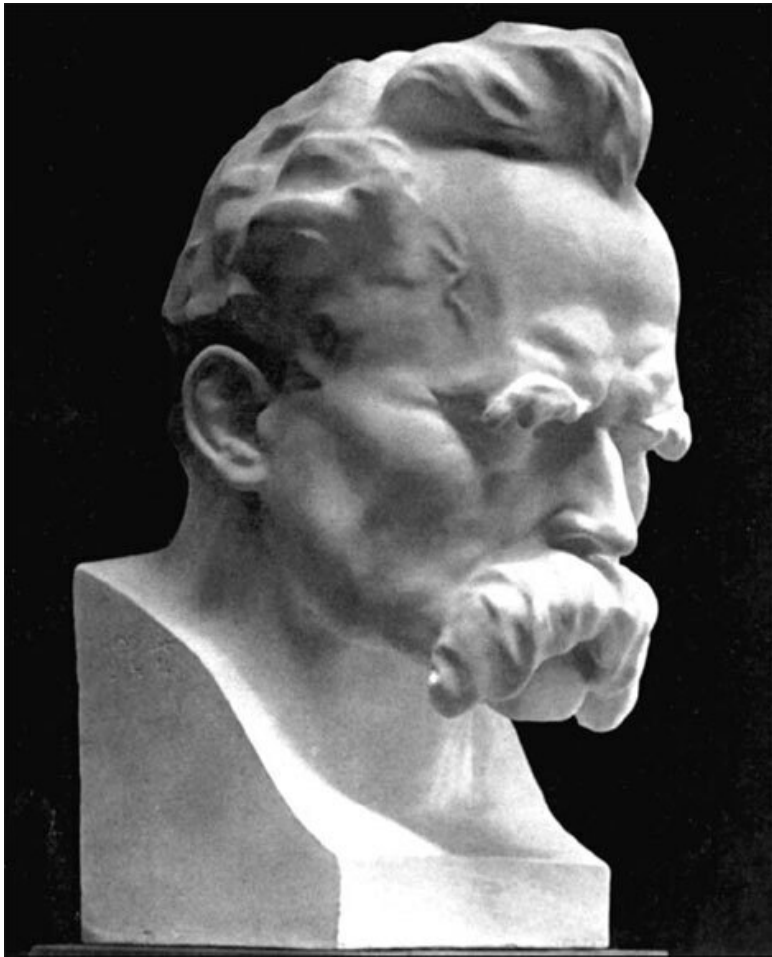
И так говорил Заратустра к народу:

«Настало время, чтобы человек поставил себе цель свою.

Настало время, чтобы человек посадил росток высшей надежды своей.

Его почва еще достаточно богата для этого. Но эта почва будет когда-нибудь бедной и бесплодной, и ни одно высокое дерево не будет больше расти на ней.

Горе! Приближается время, когда человек не пустит более стрелы тоски своей выше человека и тетива лука его разучится дрожать!

Фридрих Ницше. Скульптор Йозеф Торак

Я говорю вам: нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду. Я говорю вам: в вас есть еще хаос.

Горе! Приближается время, когда человек не родит больше звезды. Горе! Приближается время самого презренного человека, который уже не может презирать самого себя.

Смотрите! Я показываю вам последнего человека.

“Что такое любовь? Что такое творение? Устремление? Что такое звезда?” – так вопрошает последний человек и моргает.

Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий все маленьким. Его род неистребим, как земляная блоха; последний человек живет дольше всех.

“Счастье найдено нами”, – говорят последние люди и моргают.

Они покинули страны, где было холодно жить: ибо им необходимо тепло. Также любят они соседа и жмутся к нему: ибо им необходимо тепло.

Захворать или быть недоверчивым считается у них грехом: ибо ходят они осмотрительно. Одни безумцы еще спотыкаются о камни или о людей!

От времени до времени немного яду: это вызывает приятные сны. А в конце побольше яду, чтобы приятно умереть.

Они еще трудятся, ибо труд – развлечение. Но они заботятся, чтобы развлечение не утомляло их.

Не будет более ни бедных, ни богатых: то и другое слиш-

ком хлопотно. И кто захотел бы еще управлять? И кто повиноваться? То и другое слишком хлопотно.

Нет пастуха, одно лишь стадо! Каждый желает равенства, все равны: кто чувствует иначе, тот добровольно идет в сумасшедший дом.

“Прежде весь мир был сумасшедший”, – говорят самые умные из них, и моргают.

Все умны и знают все, что было; так что можно смеяться без конца. Они еще ссорятся, но скоро мирятся – иначе это расстраивало бы желудок.

У них есть свое удовольствице для дня и свое удовольствице для ночи; но здоровье – выше всего.

“Счастье найдено нами”, – говорят последние люди и моргают».

Здесь окончилась первая речь Заратустры, называемая также «Предисловием», ибо на этом месте его прервали крик и радость толпы. «Дай нам этого последнего человека, о Заратустра, – так восклицали они, – сделай нас похожими на этих последних людей! И мы подарим тебе сверхчеловека!». И все радовались и щелкали языком. Но Заратустра стал печален и сказал в сердце своем:

«Они не понимают меня: мои речи не для этих ушей...»

О новом кумире

«...Кое-где существуют еще народы и стада, но не у нас,

братья мои; у нас есть государства.

Государство? Что это такое? Итак, слушайте меня, ибо теперь я скажу вам свое слово о смерти народов.

Государством называется самое холодное из всех холодных чудовищ. Холодно лжет оно; и эта ложь ползет из уст его: “Я, государство, есмь народ”.

Это – ложь! Созидателями были те, кто создали народы и дали им веру и любовь; так служили они жизни.

Разрушители – это те, кто ставит ловушки для многих и называет их государством: они навесили им меч и навязали им сотни желаний.

Где еще существует народ, не понимает он государства и ненавидит его как дурной глаз и нарушение обычаев и прав.

Это знамение даю я вам: каждый народ говорит на своем языке о добре и зле – этого языка не понимает сосед. Свой язык обрел он себе в обычаях и правах.

Но государство лжет на всех языках о добре и зле: и что оно говорит, оно лжет – и что есть у него, оно украло.

Все в нем поддельно: крадеными зубами кусает оно, зубастое. Поддельна даже утроба его.

Смешение языков в добре и зле: это знамение даю я вам как знамение государства. Поистине, волю к смерти означает это знамение! Поистине, оно подмигивает проповедникам смерти!

Рождается слишком много людей: для лишних изобретено государство!

Смотрите, как оно их привлекает к себе, это многое множество! Как оно их душит, жует и пережевывает!

“На земле нет ничего больше меня: я упорядочивающий перст Божий”, – так рычит чудовище. И не только длинноухие и близорукие опускаются на колени!

Ах, даже вам, великие души, нашептывает оно свою мрачную ложь! Ах, оно угадывает богатые сердца, охотно себя расточающие!

Да, даже вас угадывает оно, вы, победители старого Бога! Вы устали в борьбе, и теперь ваша усталость служит новому кумиру!

Героев и честных людей хотел бы он уставить вокруг себя, новый кумир! Оно любит греться в солнечном сиянии чистой совести, – холодное чудовище!

Все готов дать вам, если вы поклонитесь ему, новый кумир: так покупает он себе блеск вашей добродетели и взор ваших гордых очей.

Приманить хочет он вас, вы, многое множество! И вот изобретена была адская штука, конь смерти, бряцающий сбруей божеских почестей!

Да, изобретена была смерть для многих, но она прославляет самое себя как жизнь: поистине, сердечная услуга всем проповедникам смерти!

Государством зову я, где все вместе пьют яд, хорошие и дурные; государством, где все теряют самих себя, хорошие и дурные; государством, где медленное самоубийство всех

называется «жизнь».

Посмотрите же на этих лишних людей! Они крадут произведения изобретателей и сокровища мудрецов: культурой называют они свою кражу – и все обращается у них в болезнь и беду!

Посмотрите же на этих лишних людей! Они всегда больны, они выbleвывают свою желчь и называют это газетой. Они проглатывают друг друга и никогда не могут переварить себя.

Посмотрите же на этих лишних людей! Богатства приобретают они и делаются от этого беднее. Власти хотят они, и прежде всего рычага власти, много денег, – эти немощные!

Дом с архивом Ницше в г. Веймаре. В этом здании немецкий философ провел последние годы своей жизни

Посмотрите, как лезут они, эти проворные обезьяны! Они лезут друг на друга и потому срываются в грязь и в пропасть.

Все они хотят достичь трона: безумие их в том – будто счастье восседало бы на троне! Часто грязь восседает на троне – а часто и трон на грязи.

По-моему, все они безумцы, карабкающиеся обезьяны и находящиеся в бреде. По-моему, дурным запахом несет от

их кумира, холодного чудовища; по-моему, дурным запахом несет от всех этих служителей кумира.

Братья мои, разве хотите вы задохнуться в чаду их пастей и вожделений! Скорее разбейте окна и прыгайте вон!

Избегайте же дурного запаха! Сторонитесь идолопоклонства лишних людей!

Избегайте же дурного запаха! Сторонитесь дыма этих человеческих жертв!

Свободную стоит для великих душ и теперь еще земля. Свободных много еще мест для одиноких и для тех, кто одиночеству вдвоем, где веет благоухание тихих морей.

Еще свободной стоит для великих душ свободная жизнь. Поистине, кто обладает малым, тот будет тем меньше обладаем: хвала малой бедности!

Там, где кончается государство, и начинается человек, не являющийся лишним: там начинается песнь необходимых, мелодия, единожды существующая и невозвратная.

Туда, где кончается государство, – туда смотрите, братья мои! Разве вы не видите радугу и мосты, ведущие к сверхчеловеку?»

Так говорил Заратустра.

О базарных мухах

«...Беги, мой друг, в свое уединение! Я вижу, ты оглушен шумом великих людей и исколот жалами маленьких.

С достоинством умеют лес и скалы хранить молчание вместе с тобою. Опять уподобься твоему любимому дереву с раскинутыми ветвями: тихо, прислушиваясь, склонилось оно над морем.

Где кончается уединение, там начинается базар; и где начинается базар, начинается и шум великих комедиантов, и жужжанье ядовитых мух.

В мире самые лучшие вещи ничего еще не стоят, если никто не представляет их; великими людьми называет народ этих представителей.

Плохо понимает народ великое, т. е. творящее. Но любит он всех представителей и актеров великого.

Вокруг изобретателей новых ценностей вращается мир – незримо вращается он. Но вокруг комедиантов вращается народ и слава – таков порядок мира.

У комедианта есть дух, но мало совести духа. Всегда верит он в то, чем он заставляет верить сильнее всего, – верить в себя самого!

Завтра у него новая вера, а послезавтра – еще более новая. Чувства его быстры, как народ, и настроения переменчивы.

Опрокинуть – называется у него “доказать”. Сделать сумасшедшим – называется у него “убедить”. А кровь для него – лучшее из всех оснований.

Истину, проскальзывающую только в тонкие уши, называет он ложью и ничем. Поистине, он верит только в таких богов, которые производят в мире много шума!

Базар полон праздничными скоморохами – и народ хвалится своими великими людьми! Для него они – господа минуты.

Но минута настойчиво торопит их: оттого и они торопят тебя. И от тебя хотят они услышать “да” или “нет”. Горе, ты хочешь сесть между двух стульев?

Не завидуй этим безусловным, настойчиво торопящим, ты, любитель истины! Никогда еще истина не повисала на руке безусловного.

От этих стремительных удались в безопасность: лишь на базаре нападают с вопросом “да или нет?”.

Медленно течет жизнь всех глубоких родников: долго должны они ждать, прежде чем узнают, что упало в их глубину.

В сторону от базара и славы уходит все великое: в стороне от базара и славы жили издавна изобретатели новых ценностей.

Беги, мой друг, в свое уединение: я вижу тебя искусанным ядовитыми мухами. Беги туда, где веет суровый, свежий воздух!

Беги в свое уединение! Ты жил слишком близко к маленьким, жалким людям. Беги от их невидимого мщения! В отношении тебя они только мщение.

Не поднимай руки против них! Они – бесчисленны, и не твое назначение быть махалкой от мух.

Бесчисленны эти маленькие, жалкие люди; и не одному

уже гордому зданию дождевые капли и плевелы послужили к гибели.

Ты не камень, но ты стал уже впалым от множества капель. Ты будешь еще изломан и растрескаешься от множества капель.

Усталым вижу я тебя от ядовитых мух, исцарапанным в кровь вижу я тебя в сотнях мест; и твоя гордость не хочет даже возмущаться.

Крови твоей хотели бы они при всей невинности, крови жаждут их бескровные души – и потому они кусают со всей невинностью.

Но ты глубокий, ты страдаешь слишком глубоко даже от малых ран; и прежде чем ты излечивался, такой же ядовитый червь уже полз по твоей руке.

Ты кажешься мне слишком гордым, чтобы убивать этих лакомок. Но берегись, чтобы не стало твоим назначением выносить их ядовитое насилие!

Они жужжат вокруг тебя со своей похвалой: навязчивость – их похвала. Они хотят близости твоей кожи и твоей крови.

Они льстят тебе, как богу или дьяволу; они визжат перед тобою, как перед богом или дьяволом. Ну что ж! Они – льстятцы и визгуны, и ничего более.

Также бывают они часто любезны с тобою. Но это всегда было хитростью трусливых. Да, трусы хитры!

Они много думают о тебе своей узкой душою – подозрительным кажешься ты им всегда! Все, о чем много думают,

становится подозрительным.

Они наказывают тебя за все твои добродетели. Они вполне прощают тебе только твои ошибки.

Герой с факелом. Скульптор Арно Брекер

Потому что ты кроток и справедлив, ты говоришь: “Невиновны они в своем маленьком существовании”. Но их узкая душа думает: “Виновно всякое великое существование”.

Даже когда ты снисходителен к ним, они все-таки чувствуют, что ты презираешь их; и они возвращают тебе твое благодеяние скрытыми злодеяниями.

Твоя гордость без слов всегда противоречит их вкусу; они громко радуются, когда ты бываешь достаточно скромн, чтобы быть тщеславным.

То, что мы узнаем в человеке, воспламеняем мы в нем. Остерегайся же маленьких людей!

Перед тобою чувствуют они себя маленькими, и их низость тлеет и разгорается против тебя в невидимое мщение.

Разве ты не замечал, как часто умолкали они, когда ты подходил к ним, и как сила их покидала их, как дым покидает угасающий огонь?

Да, мой друг, укором совести являешься ты для своих ближних: ибо они недостойны тебя. И они ненавидят тебя и охотно сосали бы твою кровь.

Твои ближние будут всегда ядовитыми мухами; то, что есть в тебе великого, – должно делать их еще более ядовитыми и еще более похожими на мух.

Беги, мой друг, в свое уединение, туда, где веет суровый, свежий воздух! Не твое назначение быть махалкой от мух».

Так говорил Заратустра.

О людском отребье

Жизнь есть родник радости; но всюду, где пьет отребье, все родники бывают отравлены.

Все чистое люблю я; но я не могу видеть морд с оскаленными зубами и жажду нечистых.

Они бросали свой взор в глубину родника; и вот мне светится из родника их мерзкая улыбка.

Священную воду отравили они своею похотью; и когда они свои грязные сны называли радостью, отравляли они еще и слова.

Негодует пламя, когда они свои отсыревшие сердца кладут на огонь; сам дух кипит и дымится, когда отребье приближается к огню.

Приторным и гнилым становится плод в их руках: взор их подтачивает корень и делает сухим валежником плодовое дерево.

И многие, кто отвернулись от жизни, отвернулись только от отребья: они не хотели делить с отребьем ни источника, ни пламени, ни плода.

И многие, кто уходили в пустыню и вместе с хищными зверями терпели жажду, не хотели только сидеть у водоема вместе с грязными погонщиками верблюдов.

И многие приходившие опустошением и градом на все

хлебные поля хотели только просунуть свою ногу в пасть отребья и таким образом заткнуть ему глотку.

И знать, что для самой жизни нужны вражда и смерть и кресты мучеников, – это не есть еще тот кусок, которым давился я больше всего.

Но некогда я спрашивал и почти давился своим вопросом: как? неужели для жизни нужно отребье?

Нужны отравленные источники, зловонные огни, грязные сны и черви в хлебе жизни?

Не моя ненависть, а мое отвращение пожирало жадно мою жизнь! Ах, я часто утомлялся умом, когда я даже отребье находил остроумным!

И от господствующих отвернулся я, когда увидел, что они теперь называют господством: барышничать и торговаться из-за власти – с отребьем!

Среди народов жил я, иноязычный, заткнув уши, чтобы их язык барышничества и их торговля из-за власти оставались мне чуждыми.

И, зажав нос, шел я, негодующий, через все вчера и сегодня: поистине, дурно пахнут пишушим отребьем все вчера и сегодня!

Как калека, ставший глухим, слепым и немым, так жил я долго, чтобы не жить вместе с властвующим, пишушим и веселящимся отребьем.

С трудом, осторожно поднимался мой дух по лестнице; крохи радости были усладой ему; опираясь на посох, текла

жизнь для слепца.

Что же случилось со мной? Как избавился я от отвращения? Кто омолодил мой взор? Как вознесся я на высоту, где отребье не сидит уже у источника?

Разве не само мое отвращение создало мне крылья и силы, угадавшие источник? Поистине, я должен был взлететь на самую высь, чтобы вновь обрести родник радости!

О, я нашел его, братья мои! Здесь, на самой выси, бьет для меня родник радости! И существует же жизнь, от которой не пьют отребье вместе со мной!

Слишком стремительно течешь ты для меня, источник радости! И часто опустошаешь ты кубок, желая наполнить его!

И мне надо еще научиться более скромно приближаться к тебе: еще слишком стремительно бьется мое сердце на встречу тебе.

Мое сердце, где горит мое лето, короткое, знойное, грустное и чрезмерно блаженное, – как жаждет мое лето-сердце твоей прохлады!

Миновала медлительная печаль моей весны! Миновала злоба моих снежных хлопьев в июне! Летом сделался я всецело, и полуднем лета!

Летом в самой выси, с холодными источниками и блаженной тишиной – о, придите, друзья мои, чтобы тишина стала еще блаженней!

Ибо это – наша высь и наша родина: слишком высоко и круто живем мы здесь для всех нечистых и для жажды их.

Бросьте же, друзья, свой чистый взор в родник моей радости! Разве помутится он? Он улыбнется в ответ вам своей чистотою.

На дереве будущего вьем мы свое гнездо; орлы должны в своих клювах приносить пищу нам, одиноким!

Поистине, не ту пищу, которую могли бы вкушать и нечистые! Им казалось бы, что они пожирают огонь, и они обожгли бы себе глотки!

Меченосец. Скульптор Йозеф Торак

Поистине, мы не готовим здесь жилища для нечистых! Ледяной пещерой было бы наше счастье для тела и духа их.

И, подобно могучим ветрам, хотим мы жить над ними, соседи орлам, соседи снегу, соседи солнцу – так живут могучие ветры.

И, подобно ветру, хочу я когда-нибудь еще подуть среди них и своим духом отнять дыхание у духа их – так хочет мое будущее.

Поистине, могучий ветер Заратустра для всех низин; и такой совет дает он своим врагам и всем, кто плюет и харкает. “Остерегайтесь харкать против ветра!”»

Так говорил Заратустра.

О тарантулах

«Взгляни, вот яма тарантула! Не хочешь ли ты посмотреть на него самого? Вот висит его сеть – тронь, чтобы она задрожала.

Вот идет он добровольно: здравствуй, тарантул! Черным сидит на твоей спине твой треугольник и примета; и я знаю также, что сидит в твоей душе.

Мщение сидит в твоей душе: куда ты укусишь, там вырастает черный струп; мщением заставляет твой яд кружиться душу!

Так говорю я вам в символе, вы, проповедники равенства, заставляющие кружиться души! Тарантулы вы для меня и скрытые мстители!

Но я выведу ваши притоны на свет; поэтому и смеюсь я вам в лицо своим смехом высоты.

Поэтому и рву я вашу сеть, чтобы ярость ваша выманила вас из вашей пещеры лжи и чтобы месть ваша выскочила из-

за вашего слова “справедливость”.

Ибо, да будет человек избавлен от мести – вот для меня мост, ведущий к высшей надежде, и радужное небо после долгих гроз.

Но другого, конечно, хотят тарантулы. “По-нашему, справедливость будет именно в том, чтобы мир был полон грозами нашего мщения”, – так говорят они между собою.

“Мщению и позору хотим мы предать всех, кто не подобен нам”, – так клянутся сердца тарантулов.

И еще: “Воля к равенству – вот что должно стать отныне именем для добродетели; и против всего власть имущего поднимаем мы свой крик!”

Проповедники равенства! Бессильное безумие тирана вопиет в вас о “равенстве”: так скрывается ваше сокровенное желание тирании за словами о добродетели!

Истосковавшийся мрак, скрытая зависть, быть может, мрак и зависть ваших отцов – вот что прорывается в вас безумным пламенем мести.

То, о чем молчал отец, начинает говорить в сыне; и часто находил я в сыне обнаженную тайну отца.

На вдохновенных похожи они; но не сердце вдохновляет их, а месть. И если они становятся утонченными и холодными, это не ум, а зависть делает их утонченными и холодными.

Их зависть приводит их даже на путь мыслителей; и в том отличительная черта их зависти, что всегда идут они слишком далеко; так что их усталость должна в конце концов за-

сыпать на снегу.

В каждой жалобе их звучит мщение, в каждой похвале их есть желание причинить страдание; и быть судьями кажется им блаженством.

Но я советую вам, друзья мои: не доверяйте никому, в ком сильно стремление наказывать!

Это – народ плохого сорта и происхождения; на их лицах виден палач и ищейка.

Не доверяйте всем тем, кто много говорит о своей справедливости! Поистине, их душам недостает не одного только меду.

И если они сами себя называют “добрыми и праведными”, не забывайте, что им недостает только власти, чтобы стать фарисеями!

Друзья мои, я не хочу, чтобы меня смешивали или ставили наравне с ними.

Есть такие, что проповедуют мое учение о жизни – и в то же время они проповедники равенства и тарантулы.

Они говорят в пользу жизни, эти ядовитые пауки, хотя они сидят в своих пещерах, отвернувшись от жизни: ибо этим они хотят причинять страдание.

Этим они хотят причинять страдание всем, у кого теперь власть: ибо у этих преобладает еще проповедь смерти.

Будь иначе, и тарантулы учили бы иначе: ибо они некогда были худшими клеветниками на мир и сожигателями еретиков.

Я не хочу, чтобы меня смешивали или ставили наравне с этими проповедниками равенства. Ибо так говорит ко мне справедливость: “люди не равны”.

И они не должны быть равны! Чем была бы моя любовь к сверхчеловеку, если бы я говорил иначе?

Пусть по тысяче мостов и тропинок стремятся они к будущему и пусть между ними будет все больше войны и неравенства: так заставляет меня говорить моя великая любовь!

Изобретателями образов и призраков должны они стать во время вражды своей, и этими образами и призраками должны они сразиться в последней борьбе!

Добрый и злой, богатый и бедный, высокий и низкий, и все имена ценностей: все должно быть оружием и кричащим символом и указывать, что жизнь должна всегда сызнова преодолевать самое себя!

Ввысь хочет она воздвигаться с помощью столбов и ступеней, сама жизнь: дальние горизонты хочет она изведать и смотреть на блаженные красоты, – для этого ей нужна высота!

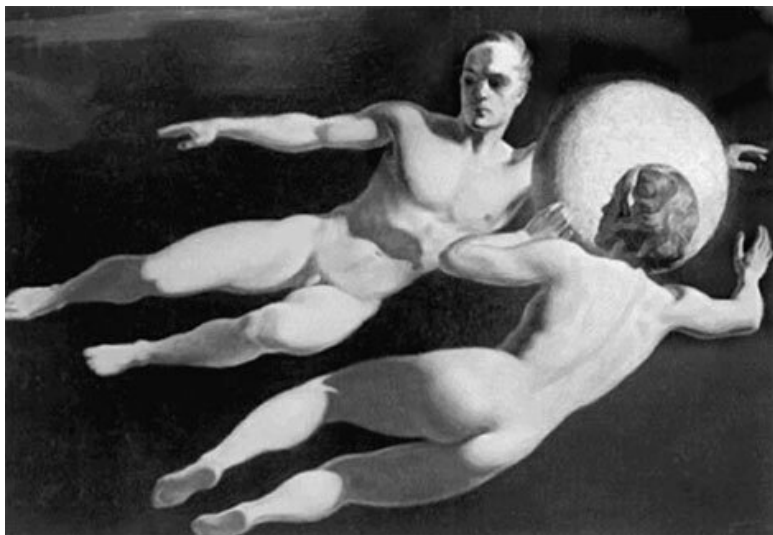
И так как ей нужна высота, то ей нужны ступени и противоречия ступеней и поднимающихся по ним! Подниматься хочет жизнь и, поднимаясь, преодолевать себя.

И посмотрите, друзья мои! Здесь, где пещера тарантула, высятся развалины древнего храма, – посмотрите на них просветленными глазами!

Поистине, тот, кто некогда здесь, в камне, воздвигал свои

мысли вверх, знал о тайне всякой жизни наравне с мудрейшим из людей!

Что даже в красоте есть борьба, и неравенство, и война, и власть, и чрезмерная власть, – этому учит он нас здесь с помощью самого ясного символа.

Приливы и отливы. Художник Э. Цобербер

Как божественно преломляются здесь, в борьбе, своды и дуги; как светом и тенью они устремляются друг против друга, божественно стремительные, – так же уверенно и прекрасно будем врагами и мы, друзья мои! Божественно устре-

мимся мы друг против друга!

Горе! Тут укусил меня самого тарантул, мой старый враг!
Божественно уверенно и прекрасно укусил он меня в палец!

“Должны быть наказание и справедливость, – так думает он, – ведь недаром же ему петь здесь гимны в честь вражды!”

Да, он отомстил за себя! И, – горе! – теперь мщением заставит он кружиться и мою душу!

Но чтобы не стал я кружиться, друзья мои, привяжите меня покрепче к этому столбу! Уж лучше хочу я быть столпником, чем вихрем мщения!

Поистине, не вихрь и не смерч Заратустра; а если он и танцор, то никак не танцор тарантеллы!»

Так говорил Заратустра.

О прославленных мудрецах

«...Народу служили вы и народному суеверию, вы все, прославленные мудрецы! – а не истине! И потому только платили вам дань уважения.

И потому только выносили ваше неверие, что оно было остроумным окольным путем к народу. Так предоставляет господин волю своим рабам и еще потешается над их своеволием.

Но кто же ненавистен народу, как волк собакам, – свободный ум, враг цепей, кто не молится и живет в лесах.

Выгнать его из его убежища – это называлось всегда у на-

рода “чувством справедливости”; на него он все еще натравливает своих самых кусачих собак.

“Истина существует: ибо существует народ! Горе, горе ищущему!” – так велось исстари.

Своему народу хотели вы дать оправдание в его поклонении; это называли вы “волею к истине”, вы, прославленные мудрецы!

И ваше сердце всегда говорило себе: “Из народа вышел я, оттуда же низошел на меня голос Бога”.

Упрямые и смышленные, как ослы, вы всегда были ходатаями за народ.

И многие властители, желавшие ладить с народом, впрягали впереди своих коней осленка – какого-нибудь прославленного мудреца.

А теперь, прославленные мудрецы, хотелось бы мне, чтобы вы наконец совсем сбросили с себя шкуру льва!

Пеструю шкуру хищного зверя и космы исследующего, ищущего и завоевывающего!

Ах, чтобы научился я верить в вашу “правдивость”, вам надо сперва отказаться от вашей воли к поклонению.

Правдивым называю я того, кто идет в пустыни, где нет богов, и разбивает свое сердце, готовое поклониться.

На желтом песке, палимый солнцем, украдкой смотрит он с жадностью на богатые источниками острова, где все живущее отдыхает под тенью деревьев.

Но его жажда не может заставить его сделаться похожим

на этих довольных: ибо где есть оазисы, там есть и идолы.

Быть голодным, сильным, одиноким и безбожным – так хочет воля льва.

Быть свободным от счастья рабов, избавленных от богов и поклонения им, бесстрашным и наводящим страх, великим и одиноким – такова воля правдивого.

В пустыне жили исконно правдивые, свободные умы, как господа пустыни; но в городах живут хорошо откормленные, прославленные мудрецы – выючные животные.

Ибо всегда тянут они, как ослы, телегу народа!

За это не сержусь я на них; но слугами остаются они для меня и людьми запряженными, даже если сбруя их сверкает золотом.

И часто бывали они хорошими слугами, достойными награды. Ибо так говорит добродетель: “Если должен ты быть слугою, ищи того, кому твоя служба всего полезнее!”.

“Дух и добродетель твоего господина должны расти благодаря тому, что ты его слуга, – так будешь ты расти и сам вместе с его духом и его добродетелью!”

И поистине, вы, прославленные мудрецы, вы, слуги народа! Вы сами росли вместе с духом и добродетелью народа – а народ через вас! К вашей чести говорю я это!

Но народом остаетесь вы для меня даже в своих добродетелях, близоруким народом, – который не знает, что такое дух!

Дух есть жизнь, которая сама врезается в жизнь: своим

собственным страданием увеличивает она собственное знание, знали ли вы уже это?

И счастье духа в том, чтобы помазанным быть и освященным быть слезами на заклание, – знали ли вы уже это?

И слепота слепого, и его искание ощупью свидетельствуют о силе солнца, на которое глядел он, – знали ли вы уже это?

С помощью гор должен учиться строить познающий! Мало того, что дух двигает горами, – знали ли вы уже это?

Вы знаете только искры духа – но вы не видите наковальни, каковой является он, и жестокости его молота!

Поистине, вы не знаете гордости духа! Но еще менее перенесли бы вы скромность духа, если бы когда-нибудь захотела она говорить!

И никогда еще не могли вы ввергнуть свой дух в заснеженную яму: вы недостаточно горячи для этого! Оттого и не знаете вы восторгов его холода.

Но во всем обходитесь вы, по-моему, слишком запросто с духом; и из мудрости делали вы часто богадельню и больницу для плохих поэтов.

Вы не орлы – оттого и не испытывали вы счастья в испуге духа. И кто не птица, не должен парить над пропастью.

Вы кажетесь мне теплыми; но холодом веет от всякого глубокого познания. Холодны, как лед, самые глубокие источники духа: услада для горячих рук и для тех, кто не покладает рук.

Вот стоите вы, чтимые, строгие, с прямыми спинами, вы,

прославленные мудрецы! – вами не движет могучий ветер и сильная воля.

Видели ли вы когда-нибудь парус на море, округленный, надутый ветром и дрожащий от бури?

На одном уровне. Художник Э. Либерманн

Подобно парусу, дрожащему от бури духа, проходит по морю моя мудрость – моя дикая мудрость!

Но вы, слуги народа, вы, прославленные мудрецы, – как могли бы вы идти со мною!».

Так говорил Заратустра.

О морали и страстях (Из книги Ф. Ницше «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом»)

У всех страстей бывает пора, когда они являются только роковыми, когда они с тяжеловесностью глупости влекут свою жертву вниз, – и более поздняя, гораздо более поздняя пора, когда они соединяются брачными узами с духом, когда они «одухотворяются». Некогда из-за глупости, заключающейся в страсти, объявляли войну самой страсти: давали клятву уничтожить ее.

Самая знаменитая формула на этот счет находится в Новом Завете, в той Нагорной проповеди, где, кстати сказать, вещи рассматриваются отнюдь не с высоты. Там, например, говорится в применении к половому чувству: «Если око твое соблазняет тебя, вырви его», – к счастью, ни один христианин не поступает по этому предписанию. Уничтожать страсти и вожделения только для того, чтобы предотвратить их глупость и неприятные последствия этой глупости, кажется нам нынче, в свою очередь, только острой формой глупости. Мы уже не удивляемся зубным врачам, которые вырывают зубы, чтобы они больше не болели... С другой стороны, нельзя не признать с некоторой справедливостью, что на

той почве, из которой выросло христианство, вовсе не может иметь места концепция понятия «одухотворение страсти». Ведь, как известно, первая церковь боролась против «интеллигентных» на благо «нищих духом»; как же можно было ожидать от нее интеллигентной войны со страстью? Церковь побеждает страсть вырезыванием во всех смыслах: ее практика, ее «лечение» есть кастрация. Она никогда не спрашивает: «Как одухотворяют, делают прекрасным, обожествляют вожделение?» – она во все времена полагала силу дисциплины в искоренении (чувственности, гордости, властолюбия, алчности, мстительности). Но подрывать корень страстей значит подрывать корень жизни: практика церкви враждебна жизни...

* * *

То же самое средство: оскотление, искоренение – инстинктивно выбирается в борьбе с каким-нибудь вожделением теми, которые слишком слабовольны, слишком выродились, чтобы быть в состоянии соблюдать в нем меру; теми натурами, которым нужен... какой-нибудь окончательный разрыв, пропасть между собою и страстью. Без радикальных средств не могут обойтись лишь дегенераты; слабость воли, говоря точнее, неспособность не реагировать на раздражение, есть, в свою очередь, только другая форма вырождения. Радикальная вражда, смертельная вражда к чувственности остается наводящим на размышление симптомом: он дает право на предположения относительно общего состояния до

такой степени эксцессивного человека.

Впрочем, эта вражда, эта ненависть только тогда достигает своего апогея, когда такие натуры сами уже не имеют достаточной твердости для радикального лечения, для отречения от своего «дьявола». Просмотрите всю историю жрецов и философов, причисляя сюда и художников: самое ядовитое слово против чувства сказано не импотентами, также не аскетами, а невозможными аскетами, такими людьми, которым понадобилось бы быть аскетами...

Одухотворение чувственности называется любовью: оно является великим торжеством над христианством. Другим торжеством является наше одухотворение вражды. Оно состоит в глубоком понимании ценности иметь врагов: словом, в том, что поступаешь и умозакрываешь обратно тому, как поступали и умозакрывали некогда. Церковь хотела во все времена уничтожения своих врагов – мы же, мы, имморалисты и антихристиане, видим нашу выгоду в том, чтобы церковь продолжала существовать... Также и в области политики вражда стала теперь одухотвореннее – гораздо более разумнее, гораздо рассудительнее, гораздо снисходительнее. Почти каждая партия видит интерес своего самосохранения в том, чтобы противная партия не потеряла силы; то же самое можно сказать и о большой политике. В особенности новое создание, например, новая империя, нуждается более во врагах, нежели в друзьях: только в контрасте чувствует она себя необходимой, только в контрасте становится она необ-

ходимой...

Не иначе относимся мы и к «внутреннему врагу»: и тут мы одухотворили вражду, и тут мы постигли ее ценность. Являешься плодовитым лишь в силу того, что богат контрастами; остаешься молодым лишь при условии, что душа не ложится врасстяжку, не жаждет мира... Ничто не стало нам более чуждым, чем эта давняя желательность, желательность «мира души», христианская желательность; ничто не возбуждает в нас менее зависти, чем моральная корова и жирное счастье чистой совести. Отказываешься от великой жизни, если отказываешься от войны... Во многих случаях, конечно, «мир души» является просто недоразумением – кое-чем иным, что не умеет только называть себя честнее.

Без лишних слов и предрассудков приведу несколько случаев. «Мир души» может быть, например, мягким излучением богатой животности в область морального (или религиозного). Или началом усталости, первой тенью, которую бросает вечер, всякого рода вечер. Или признаком того, что воздух становится влажным, что приближаются южные ветры. Или бессознательной благодарностью за удачное пищеварение (порою называемой «человеколюбием»). Или успокоением выздоравливающего, для которого все вещи приобретают новый вкус и который ждет... Или состоянием, следующим за сильным удовлетворением нашей господствующей страсти, приятным чувством редкой сытости. Или старческой слабостью нашей воли, наших вожделений, наших

пороков. Или ленью, которую тщеславие убедило вырядиться в моральном стиле. Или наступлением уверенности, даже страшной уверенности, после долгого напряжения и мучения вследствие неуверенности. Или выражением зрелости и мастерства в делании, созидании, воспроизведении, хотении, спокойным дыханием, достигнутой «свободой воли»... Сумерки идолов: кто знает? – быть может, это тоже лишь известный вид «мира души»...

Жертва. Скульптор Арно Брекер

* * *

Вникнем же наконец в то, какая наивность вообще говорить: «Человек должен бы быть таким-то и таким-то!». Действительность показывает нам восхитительное богатство типов, роскошь расточительной игры и смены форм; а какой-нибудь несчастный поденщик-моралист говорит на это: «Нет! человек должен бы быть иным»?.. Он даже знает, каким он должен бы быть, этот лизоблюд и пустосвят, он малюет себя на стене и говорит при этом «ессе homo»!..

Но даже когда моралист обращается к отдельному человеку и говорит ему: «Ты должен бы быть таким-то и таким-то!» – он не перестает делать себя посмешищем. Индивид есть частица фатума во всех отношениях, лишний закон, лишняя необходимость для всего, что близится и что будет. Говорить ему: «изменись» – значит требовать, чтобы все изменилось, даже вспять... И действительно, были последовательные моралисты, они хотели видеть человека иным, именно добродетельным, они хотели видеть в нем свое подобие, именно пустосвята: для этого они отрицали мир! Не малое безумие! Вовсе не скромный вид нескромности!..

Мораль, поскольку она осуждает сама по себе, а не из видов, соображений, целей жизни, есть специфическое заблуж-

дение, к которому не должно питать никакого сострадания, идиосинкразия дегенератов, причинившая невыразимое количество вреда!.. Мы, иные люди, мы, имморалисты, наоборот, раскрыли наше сердце всякому пониманию, постижению, одобрению. Мы отрицаем не легко, мы ищем нашей чести в том, чтобы быть утверждающими. Все больше раскрываются наши глаза на ту экономию, которая нуждается и умеет пользоваться даже всем тем, что отвергает святое сумасбродство жреца, больного разума в жреце, на ту экономию в законе жизни, которая извлекает свою выгоду даже из отвратительной специи пустосвята, жреца, добродетельного, – какую выгоду? Но сами мы, мы, имморалисты, являемся ответом на это...

Известно требование, предъявляемое мною философам: становиться по ту сторону добра и зла, – оставить под собою иллюзию морального суждения. Это требование вытекает из познания, сформулированного впервые мною: что не существует вовсе никаких моральных фактов. Моральное суждение имеет то общее с религиозным, что верит в реальности, не являющиеся таковыми. Мораль есть лишь истолкование известных феноменов, говоря точнее, лжетолкование. Моральное суждение, как и религиозное, относится к той ступени невежества, на которой еще отсутствует даже понятие реального, различие реального и воображаемого: так что «истина» на этой ступени означает все такие вещи, которые мы нынче называем «фантазиями». Постольку мораль-

ное суждение никогда не следует принимать буквально: как таковое, оно всегда содержит лишь нелепость. Но оно остается неоченимым как семиотика: оно открывает, по крайней мере сведущему, ценнейшие реальности культур и внутренних переживаний, которые недостаточно знали, чтобы «понимать» самих себя. Мораль есть просто язык знаков, просто симптоматология: нужно уже знать, о чем идет дело, чтобы извлекать из нее пользу.

* * *

Стали ли мы нравственнее? Против моего понятия «по ту сторону добра и зла», как и следовало ожидать, ополчилась вся ярость морального оупения, которая, как известно, считается в Германии за самую мораль: я мог бы рассказать об этом премилые истории. Прежде всего мне предложили подумать о «неопровержимом превосходстве» нашего времени в нравственном суждении, о нашем действительно сделанном в этой области прогрессе...

Один швейцарский редактор зашел так далеко, что, отдавая дань уважения мужеству на такое дерзновение, «понимает» смысл моего сочинения в том, что я предлагаю в нем уничтожить все пристойные чувства.

Благодарю покорно! Позволю себе в качестве ответа поставить вопрос, действительно ли мы стали нравственнее? Что все этому верят, есть уже возражение на это... Мы, со-

временные люди, очень нежные, очень уязвимые и сотни раз уступающие и принимающие уступки, в самом деле воображаем, что эта нежная человечность, которую мы собою являем, это достигнутое единодушие в пощаде, в готовности на помощь, во взаимном доверии есть позитивный прогресс, что в этом отношении мы далеко опередили Ренессанс. Но так думает каждое время, так должно оно думать. Достоверно то, что мы не смеем помещать себя в обстановку Ренессанса, даже не смеем мыслить себя в ней: наши нервы не выдержали бы этой действительности, не говоря уже о наших мускулах. Но этой неспособностью доказывается не прогресс, а лишь другое, более позднее состояние, более слабое, нежное, уязвимое, из которого необходимо рождается богатая уступками мораль.

Прометей. Скульптор Йозеф Торак

Если мы устраним мысленно нашу изнеженность и запоздалость, наше физиологическое одряхление, то и наша мораль «очеловечения» потеряет тотчас же свою ценность – сама по себе никакая мораль не имеет ценности, – она обесценит нас самих. Умаление враждебных и возбуждающих недоверие инстинктов – а ведь в этом и состоит наш «прогресс» – представляет собою лишь одно из следствий в общем уменьшении жизненности: требуется во сто раз больше труда, больше осторожности, чтобы отстаивать столь обусловленное, столь позднее существование. Тут взаимно помогают друг другу, тут каждый является больным и каждый – санитаром. Это называется «добродетелью» – среди людей, которые знали бы еще и иную жизнь, более полную, расточительную, бьющую через край, это называли бы иначе, быть может, «трусостью», «ничтожеством», «моралью старых баб»... Наше смягчение нравов – это мое положение, это, если угодно, мое новшество – есть следствие упадка; суровость и ужасность нравов может, наоборот, быть следствием избытка жизни. Тогда именно смеют на многое отваживаться, многого требовать, а также много расточать. Что некогда было приправой жизни, то было бы для нас ядом... Быть индифферентными – а это тоже известная форма силы – для этого мы равным образом слишком стары, слишком поздны: наша мораль сочувствия, от которой я первый предостерегал, то, что можно бы назвать *l'impressionisme morale*, есть лишнее выражение чрезмерной

физиологической раздражимости, свойственной всему упадочному. То движение, которое пыталось с помощью шопенгауэровской морали сострадания стать на научную почву, – весьма неудачная попытка! – есть подлинное движение decadence в морали и как таковое глубоко родственно христианской морали. Сильные эпохи, аристократические культуры видят в сострадании, в «любви к ближнему», в недостатке самости и чувства собственного достоинства нечто презренное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.